DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.013
УДК 94(470.54-25) + 279.99 + 330.36.012

Ю. В. Боровик
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СТАРООБРЯДЦЫ-ЧАСОВЕННЫЕ ЕКАТЕРИНБУРГА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСЛОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ПРОЯВЛЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ*

В статье рассматривается влияние межрегиональных и локальных миграций на эволюцию городской старообрядческой общины на примере беглопоповского (с 1840-х гг. — часовенного) согласия Екатеринбурга в XVIII — начала XX в. Анализ численности и сословного состава по ревизиям, переписям и материалам учета естественного движения населения показывает последовательный, но неравномерный рост численности старообрядческого городского сообщества. Во время 3-й ревизии начала 1760-х гг. старообрядцев значилось около 1 тыс. человек (треть населения Екатеринбурга). В период веротерпимой политики 1780–1820-х гг. сформировались приходы Успенской и Никольской часовен и к концу царствования Александра I в городе насчитывалось почти 1,5 тыс. староверов, большинство которых было записано в купеческое и мещанское сословия. Численность общин снизилась из-за «насаждения» единоверия в 1830–1850-е гг. и доля старообрядцев среди городского населения уменьшилась до нескольких процентов. Впоследствии количественный состав городского старообрядческого общества восстановился на фоне миграции крестьян в пореформенное время. Последнее обстоятельство повлияло на сословный состав прихожан, особенно молодежи, среди которой в нач. XX в. преобладали крестьяне. Наличие домовладений у большинства старообрядцев являлось благоприятным фактором для адаптации новых членов общины, не имевших собственного жилья. Картографирование элементов религиозного ландшафта, связанного с историей городских общин староверов беглопоповского (часовенного) согласия позволило локализовать их в пространстве Екатеринбурга XVIII – начала XX в. и выявить обособленность, связанную с устройством двух храмов (часовен), содержанием причта, предпочтениями внутриконфессиональных браков, наличием отдельного кладбища.

Ключевые слова: история России; история Урала; миграции; старообрядчество; беглопоповцы; часовенное согласие; город; статистика; картографический анализ.

Цитирование: *Боровик Ю. В.* Старообрядцы-часовенные Екатеринбурга: численность, сословная принадлежность и проявление конфессиональной

* Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в.)» (анализ статистики, подготовка карт) и за счет РНФ, проект 16-18-10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX в. на примере Урала и Скандинавии» (анализ данных метрических книг).

обособленности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 160–180.

Поступила в редакцию 24.05.2017
Принята к печати 30.01.2018

Yulia V. Borovik
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

THE OLD BELIEVERS OF YEKATERINBURG: NUMBER, SOCIAL STATUS, AND RELIGIOUS IDENTITY

This paper discusses the impact of regional and local migration on the Yekaterinburg Old Believer community with reference to Beglopopovtsy (or Chasovennye from the 1840s) between the 18th and early 20th centuries. The analysis of numbers and class composition carried out with reference to censuses and materials reflecting the population's natural migration shows that the Old Believer community grew gradually though unevenly. During the 3rd census (Rus. *ревизия*) of the early 1760s, there were about one thousand Old Believers (one third of the population of Yekaterinburg). During the period of toleration between the 1780s and 1820s, the Assumption and St Nicholas Chapels were formed, and by the end of Alexander I's reign, there were almost 1500 Old Believers most of whom were either merchants or petty bourgeois. The communities shrank due to the inculcation of Old Belief in the 1830s–1850s, leading to the number of Old Believers decreasing to only some percent. Later on, the number of the urban Old Believers grew again due to the migration of peasants during the post-reform time. The latter influenced the class composition of the parish, especially among youth with peasants making up the majority of them in the early 20th century. Most Old Believers owned accommodation which was a beneficial factor for the adaptation of the new members of the community who had no houses of their own. The cartographic visualisation of the religious landscape connected with the history of the urban Old Believer communities of the Beglopopovtsy (Chasovennye) helps localise them in the space of Yekaterinburg between the 18th and early 20th centuries and reveal the independence of the community with its two chapels, the structure of the parish and the clergy, its preference for same-religion marriages, and its own cemetery.

Keywords: history of Russia; history of the Urals; migration; Old Belief; Beglopopovtsy; Chasovennye; city; statistics; cartographic analysis.

Acknowledgements
The work is partly sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, Grant 15-06-08541 "The Religious Diversity of a Eurasian City: Statistical and Cartographic Analysis (with Reference to Yekaterinburg in the Late 19th — Early 21st Centuries)" (Statistical analysis of 18th — 19th centuries data about population, cartographic visualisation), and the *Russian Science Foundation*, Grant 16-18-10105 "Ethno-religious and Demographic Dynamics in Mountainous Eurasia around 1900. A Comparison of the Urals and Scandinavia" (1907–1918 church books analysis).

Citation: Borovik, Yu. V. (2018). Staroobryadtsy-chasovennye Yekaterinburga: chislennost', soslovnaya prinadlezhnost' i proyavlenie konfessional'noi obosoblennosti [The Old Believers of Yekaterinburg: Number, Social Status, and Religious Identity]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 20,* 1 (172), 160–180.

Submitted on 24 May, 2017
Accepted on 30 January, 2018

Освоение Урала в эпоху петровской модернизации привело к росту числа заводов, городов и крепостей, строительство и функционирование которых шло при участии горных и технических специалистов, военных и крестьян из разных регионов и стран. В Екатеринбурге (осн. в 1723 г.) жили и работали рядом представители нескольких народов и конфессий. Формирование сообществ верующих и религиозных институтов происходило с разной динамикой и под воздействием различных обстоятельств. Исследование этих процессов важно для понимания места и роли религиозных традиций, возможностей и вариантов взаимодействия их друг с другом в городском пространстве.

Пространственно-временные особенности эволюции екатеринбургского сообщества беглопоповского направления (часовенное согласие) не рассматривались специально, но многие ключевые эпизоды и лица его истории включены в работы, географические рамки которых охватывают весь горнозаводской Урал или же посвящены развитию города. На сегодняшний день выявлены основные структурообразующие элементы сообществ беглопоповцев, их трансформация под воздействием внешних и внутренних факторов, особенности радикальных и умеренных течений, роль старшин [Покровский; Байдин; Белобородов, 2012]. События и персоналии из старообрядческих кругов, оказавшие влияние на формирование городского культурно-религиозного ландшафта, отмечены в исследованиях по истории Екатеринбурга [Агеев, Микитюк; Главы городского самоуправления...; Микитюк; Корепанов, 2005; 2013]. В ряде работ рассматривалась история молитвенных зданий в городе, с временными рамками их существования, особенностями конструкции и стиля, а также обстоятельствами, сопутствующими их появлению [Ворошилин, 1995; 1996; Голобородский; Корепанов, 2006]. Данная статья посвящена изменениям численности и социального состава общин беглопоповцев (часовенного согласия) Екатеринбурга, локализации их религиозных институтов в городском пространстве XVIII — начала XX в. В качестве источников использованы статистические данные, документы учета естественного движения населения, делопроизводственные и картографические материалы.

Старообрядческое население Екатеринбурга в XVIII в.

Становление старообрядческого общества происходило под влиянием комплекса факторов, среди которых явно выделяются межрегиональные

и локальные миграции. Первая волна миграций пришлась на вторую половину XVII в. и представляла собой стихийную крестьянскую колонизацию через Верхокамье и Северное Приуралье. С ней на Среднем Урале, в дополнение к старожильческому населению, в большинстве своем приверженному дореформенным церковным традициям, появились старообрядцы из центральных и северных районов страны. Переселенцы и беглецы осели на землях Краснопольской слободы, на берегу озера Таватуй, а также на многих заводах А. Н. Демидова, заинтересованного в рабочей силе для своих предприятий и покровительствовавшего старообрядцам. Селение Таватуй и невьянская резиденция заводчика до 1750 г. были основными центрами старообрядцев-беспоповцев (поморского согласия[1]) на Урале. Кроме поморцев, на Урал шли старообрядцы-беглопоповцы[2]. Поток приверженцев этого согласия из нижегородских земель стал особенно заметным с 1720-х гг., поскольку там в это время велись активные действия против староверов под руководством архиепископа Питирима. Выходцы из местностей по р. Керженец в Заволжье, в том числе из Керженской волости Балаховского уезда, стали основой старообрядческих беглопоповских обществ, складывавшихся вокруг Невьянского, Нижнетагильского и Екатеринбургского заводов. Когда после смерти Демидова в 1745 г. невьянское поморское общежительство было разгромлено властями [Покровский, с. 191–194] ведущая роль в старообрядческом мире на уральских заводах перешла к беглопоповцам.

Присутствию старообрядцев в Екатеринбурге, их вовлеченности в жизнь завода-крепости в первые годы ее существования способствовала прагматичная позиция первого Екатеринбургского Главного командира генерала В. И. Геннина. Он имел опыт успешной работы со старообрядцами на Олонецких заводах и ставил эффективное решение поставленных задач выше забот о приоритетной конфессиональной принадлежности их исполнителей. Староверы проживали в самом Екатеринбурге, строившемся за счет казны, и в ближайших окрестностях – Уктусском заводе, деревнях Шарташских, Становской и Сарапулке. Они были заняты на строительных работах, поставляли продовольствие на заводы, вели торгово-промысловую деятельность.

Присутствие беглопоповцев в городе отразилось в городской топонимике. Одну из улиц на Торговой стороне посада по западному берегу Исети в 1720-е гг. в обиходе называли Керженской [Корепанов, 2005, с. 7, 50]. Известно несколько эпизодов участия старообрядцев в жизни Екатеринбурга в его начальный период. Появление в 1730 г. первой частной мельницы в Екатеринбурге связано с деятельностью купца-старообрядца М. А. Бармина, из посадских людей г. Балахна Нижегородской губернии, бывшего в 1732–1736 гг. главным закупщиком товаров для Екатеринбургских заводов [Там же, с. 28, 51].

---

[1] *Поморцы* – беспоповское согласие, ведущее свое начало от Выговской пустыни в Поморье. В основе их учения – тезис о свершившемся пришествии духовного Антихриста и истреблении истинного священства и таинств после реформ патриарха Никона.

[2] *Беглопоповцы* – течение в старообрядчестве, принимающее священников, переходящих («бегствующих») от официальной православной церкви.

По фамилии купца-старообрядца В. И. Сапожникова, происходившего из семьи нижегородского ямщика, была названа улица, на которой стоял его дом в Купеческой слободе южнее Екатеринбургской крепости [Корепанов, 2005, с. 51]. Рядом с ним проживали и другие купцы-старообрядцы. Поэтому улицу можно считать первым старообрядческим районом Екатеринбурга (см. рис. 2).

Одним из немногих староверов поморского согласия в раннем Екатеринбурге был крестьянин Казанской губернии Иван Осенев. В 1714–1715 гг. он с отцом сбежал в Балахнинский уезд Нижегородской губернии, а оттуда в 1723 г. на Урал. Оба Осеневы в 1723 г. официально считались старообрядцами Екатеринбурга, выплачивая за это двойной подушный оклад. Здесь И. С. Осеневу принадлежало две усадьбы, одна из которых находилась в Купеческой слободе. И. Осенев успешно вел торговые операции в делах основателя Иргинского, Саранинского и Нязепетровского заводов балахнинского купца П. Осокина и племянника невьянского заводчика В. Демидова [Покровский, с. 74–75].

В период со второй половины 1730-х до начала 1760-х гг. прошло несколько антистарообрядческих кампаний, включая аресты И. Осенева и членов его семьи, закрытие скитов на землях А. Н. Демидова в 1736–1737 гг., создание острога для пойманных в лесах староверов (Заречного Тына, см. рис. 2), разрушение шарташской часовни в 1746 г., розыск начала 1750-х гг. и работу комиссии по борьбе с расколом в 1760–1761 гг. [Покровский, с. 67–287]). Многие из этих мер были масштабными, но краткосрочными, другие не поддерживались заводскими властями или были свернуты при их участии. Екатеринбургских беглопоповцев эти преследования по большей части обошли стороной.

Данные специальных переписей старообрядцев, проведенных после «розыскных» акций В. Н. Татищева в конце 1730-х — начале 1740-х гг., свидетельствуют о незначительном числе староверов в Екатеринбурге (рис. 1). Многие постарались уклониться, предполагая, что чрезвычайный характер переписей обернется чрезвычайными последствиями (например, судом за отпадение от православия или возвращением к прежним владельцам). Бóльшее доверие в Екатеринбурге вызвала 2-я ревизия, предоставлявшая возможность легализовать свое положение, записавшись в двойной подушный оклад, для уплаты которого у торговых слоев городского посада были средства. Ее результаты показывают, что старообрядческое население Екатеринбурга за 5 лет увеличилось более чем в три раза – до 1 006 человек. В целом число старообрядцев в XVIII в. увеличивалось пропорционально росту городского населения (рис. 1).

В начале 1760-х гг. в Екатеринбурге «число жителей по 3-й переписи, исключая гарнизон, восходило выше 3 000 м. п.; в том числе состояло купцов и посадских — 390. Старообрядцы составляли треть города[3]» [Словцов, с. 323]. По данным церковного учета в это время в городе числилось 1 192 старовера [Полное собрание ученых путешествий, с. 323], что совсем немногим отличается от цифр пятнадцатилетней давности. Причинами этого были, скорее всего,

[3] Будущего города, поскольку Екатеринбург обрел этот статус в 1781 г.

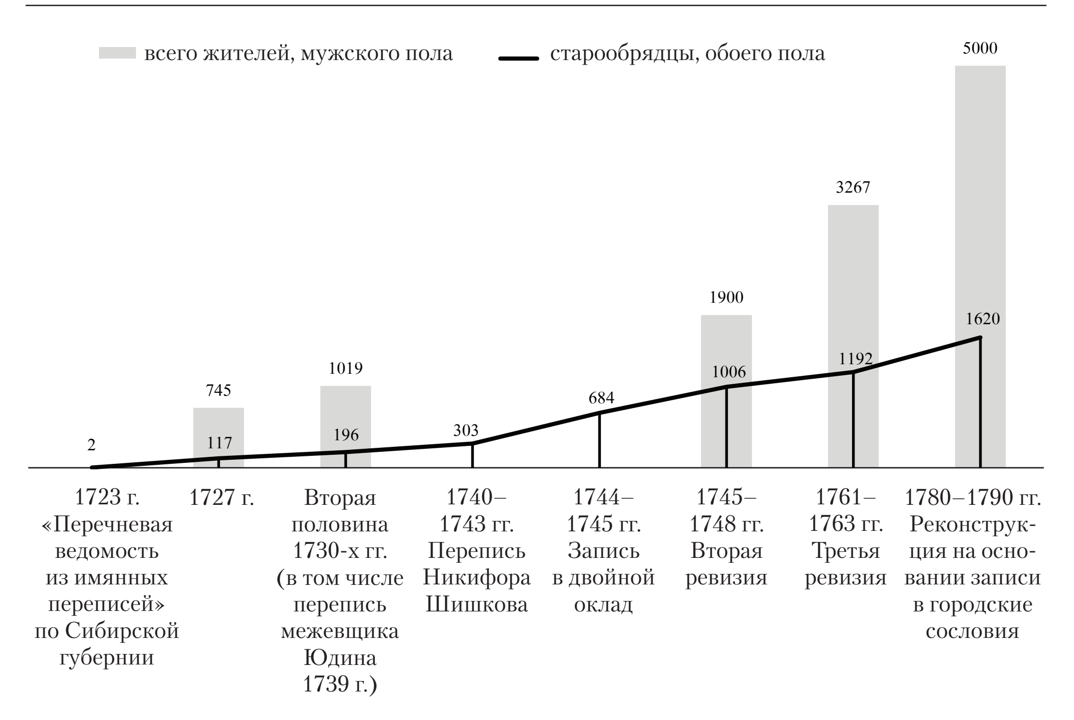

Рис. 1. Численность старообрядцев Екатеринбурга в XVIII в., обоего пола

Источники: [Байдин, с. 38–39; Покровский, с. 116, 151–153; Полное собрание ученых путешествий, с. 323 (численность старообрядцев); Корепанов, 2005, с. 20, 40, 68, 131; Словцов, с. 323 (численность городского населения мужского пола)].

ограниченные возможности вести учет старообрядческого населения в приходах РПЦ, а также усиленная сыскная деятельность екатеринбургской следственной комиссии 1762–1764 гг., во главе со священником С. Алексеевым, проводившим аресты подозреваемых в расколе, допросы «с пристрастием» и «прославившимся» сражениями со староверами на улицах соседнего с Екатеринбургом селения Шарташ [Покровский, с. 268–278].

Во многом именно Шарташу, появившемуся почти одновременно с заводом-крепостью[4], Екатеринбург обязан своей известностью в качестве уральского старообрядческого центра. В историографии первой половины XIX в. утверждается, что «коренное вместилище их (староверов. – *Ю. Б.*) находилось в Шарташе, селении, которое лежит в Шарташских гранитных возвышенностях, при озере» [Словцов, с. 323]. За редким исключением, население здесь было полностью старообрядческим. Сюда могли обращаться екатеринбургские беглопоповцы, поскольку в 1730 г. в Шарташе существовал по крайней мере один молельный дом, а в первой половине 1740-х гг. их было уже три [Белобородов, 2005, с. 346].

[4] Связь основания Шарташа со строительством Екатеринбурга и деятельностью В. И. Геннина обоснована [Корепанов, 2005, с. 7; 2010, с. 262–265], в отличие от полулегендарной «ранней» версии.

В известиях о деятельности беглых попов Якова (Варламова) в 1740-х гг. и Петра Красноперова в 1760-х гг. вблизи Екатеринбурга также упоминался Шарташ [Белобородов, 2012, с. 129].

Шарташ и соседние деревни быстро стали местом компактного проживания беглопоповцев, занимавшихся огородничеством, торговлей и промыслами, поскольку возможности для хлебопашества были ограничены особенностями климата, почв: здесь не было полей для выращивания зерновых. Продукцию свою шарташцы сбывали в первую очередь екатеринбургским жителям. За первые три десятилетия существования селения рядом с Екатеринбургом в нем поселились более сотни человек (табл. 1). Прежде всего, это были государственные и монастырские крестьяне (88 из 135 чел. — 65 % всех жителей мужского пола). Первые шарташские жители пришли из разных мест, но в основном (106 чел. – 80 %) из Московской и Нижегородской губерний.

Таблица 1

Происхождение жителей с. Шарташ, мужского пола, 1745 г.

Губернии по АТД на 1745 г.	Сословие / статус							Всего
	крестьяне			посадские люди	бобыли	ямщики	прочие	
	монастырские	государственные	дворцовые					
Архангелогородская	7*	1						8
Астраханская		1						1
Казанская		4						4
Московская	28**	10	3	12***	1	3	1	58
Нижегородская	3	24	5	3	5	5	3	48
Санкт-Петербургская		5						5
Сибирская		5			1		3	9
Польша							2	2
Всего	38	50	8	15	7	8	9	135

* Все из Вологодской провинции.
** 18 — из Троице-Сергиева монастыря.
*** 9 — из Москвы.
Источник: [Корепанов, 2010, с. 263].

Приписка торгово-промысловых слоев старообрядческого Шарташа к Екатеринбургу началась еще в первые десятилетия существования завода-крепости. Но особенно явно эта тенденция проявилась во второй половине XVIII в., в период либерализации религиозной политики и благоприятных условий для устройства небольших частных предприятий, позволивших вложить накопленные капиталы в промышленность [Байдин, с. 37–39].

Важную роль сыграло изменение законодательства о праве торговли в пределах города: согласно Жалованной грамоте городам 1785 г., этим могли заниматься лишь те, кто был включен в городские сословия. Старообрядческая составляющая екатеринбургских купцов и мещан, к тому времени и так немалая, стремительно выросла за счет шарташских крестьян в 1780–1790-е гг. [Корепанов, 2005, с. 150; 2010, с. 284–285].

В 1795 г. из 222 новоявленных екатеринбургских купцов не менее 157 ранее были крестьянами-старообрядцами, из которых 70 % ранее числились в Шарташе и волости [Байдин, с. 38]. Так потомки московских и нижегородских крестьян, через торгово-промысловые занятия добившиеся успеха, благодаря конфессиональным связям вошли в купеческое сословие Екатеринбурга. Они представляли собой влиятельную «партию» в системе городского самоуправления с конца 1780-х до 1840-х гг. [Главы городского самоуправления..., с. 44–89]. Характеристика условий, в которых находились старообрядцы в Екатеринбурге: «быстрое обогащение раскольников, постоянные сношения с невьянскими староверами, продолжительное и открытое пребывание здесь беглых попов и учителей, послабления гражданской власти» [архим. Палладий, с. 11] — относится как раз к концу XVIII – первой трети XIX в.

Молельни, часовни, церкви

Появлению в городе общественных молитвенных зданий старообрядцев предшествовали частные молитвенные помещения внутри городских усадеб. В числе наиболее известных следует назвать каменную часовню в саду дома над заводским прудом в центре города [Байдин, с. 52]. В числе владельцев дома в начале XIX в. были старообрядцы: сначала винный откупщик В. А. Злобин из г. Вольска Саратовской губ., затем управляющий Верх-Исетского завода Григорий Зотов. Когда в 1837 г. усадьба перешла во владение старообрядцев Тарасовых, семейная моленная была переустроена, но по-прежнему продолжала существовать [Микитюк]. Еще одним примером домовой часовни начала XIX в. являлось помещение в огромном особняке вольского купца-беглопоповца Л. И. Расторгуева. Он начинал свою деятельность на Урале в качестве доверенного лица вышеупомянутого В. А. Злобина, но вскоре перешел к горнозаводскому производству, купив Шемахинский, Каслинский, Кыштымский и Нязепетровский заводы. После смерти Л. И. Расторгуева в 1823 г. его зять П. Я. Харитонов усовершенствовал усадьбу, возведя в числе прочих дополнительных строений ротонду (бельведер) над молитвенным помещением [Главы городского самоуправления..., с. 81].

Центрами приходской жизни старообрядцев в Екатеринбурге с конца XVIII в. до 1930-х гг. были две городские часовни. Их создание относится ко времени активной шарташской «миграции» на рубеже 1780–1790-х гг. (рис. 2).

Успенскую молельню, скорее всего, следует считать первым местом, где приблизительно с 1785 г. собирались на богослужение екатеринбургские

беглопоповцы. Предположительно, сначала она представляла собой комнату в купеческой усадьбе, располагавшейся близко к центру, на 3-й Уктусской улице[5] [Голобородский, с. 126]. Около 1792 г. старообрядцы в той же усадьбе возвели отдельное деревянное здание [Приходы и церкви Екатеринбургской епархии, с. 11]. К нему в 1824–1826 гг. пристроили алтарную часть, возвели купол, оштукатурили внешние стены и перекрыли крышу железом, выкрасив его в «малахитовый» цвет [Ворошилин, 1995, с. 92].

Вскоре после начала приписки шарташцев к городским сословиям (что нередко сопровождалось и переселением), в городе появился второй беглопоповский храм, поскольку Успенский молитвенный дом в старой купеческой части Екатеринбурга, видимо, был мал для увеличившегося числа прихожан. К тому же эта молельня находилась почти в центре города, а многие выходцы из Шарташа осели на южной окраине на другом берегу Исети (рис. 2). Там в 1793 г. в пределах района по Сибирскому и Александро-Невскому проспектам и южнее по р. Исеть они начали строительство новой часовни [Голобородский, с. 126; Корепанов, 2005, с. 157; 2006, с. 100]. Первоначально она была устроена в честь Покрова Богородицы, а в 1812 г. переосвящена как Никольская и приобрела статус единственной на Урале и Сибири старообрядческой церкви [Байдин, с. 53].

Беглые священники, служившие до 1830-х гг. в Екатеринбурге, привозились попечителями из старообрядческих монастырей на р. Иргиз в Саратовской губернии, где их «исправляли»[6]. После освящения Никольской церкви «исправу» попов могли совершать в ней. Кроме Екатеринбурга беглые иереи исполняли требы в других уральских общинах, отлучаясь из города на довольно продолжительное время. По данным С. А. Белобородова, в первой трети XIX в. их было около десятка (табл. 2).

Третий большой каменный молитвенный дом, также в честь св. Николая Мирликийского, был выстроен старообрядцами в 1814–1818 гг. Он возводился при попечении старообрядческого старшины купца Я. М. Рязанова и предполагался в качестве главного храма не только для беглопоповцев города, но и всего Урало-Сибирского региона. Было начато создание иконостаса, для которого писали иконы невьянские мастера Богатыревы. Беглопоповцы в течение 15 лет надеялись, что власти разрешат открыть помещение как церковь, где будут служить старообрядческие иерархи, действия которых контролировались бы светской администрацией, а не Синодом. После завершения постройки каменного молитвенного дома староверы неоднократно — в 1818, 1826, 1829, 1832, 1837 гг. ходатайствовали перед правительством и императором о разрешении иметь священников, подчинявшихся Министерству духовных дел

[5] Бывшая ул. Сапожникова, с 1760-х гг. — 3-я Уктусская, с 1845 г. – Госпитальная (шла от заводского госпиталя).

[6] «Исправа» беглых попов – особый чин приема в старообрядчество крещенных обливательно священников РПЦ, введен Московским старообрядческим собором 1779–1780 гг.

Рис. 2. Старообрядческий ландшафт Екатеринбурга XVIII–XX вв.

МВД [Байдин, с. 95–96, 109–117, 123]. Обращения были безуспешными, хотя и подкреплялись подписями уполномоченных от 150-тысячного старообрядческого населения Урала, а просьба 1837 г. была поддержана Главным начальником Уральских горных заводов В. А. Глинкой.

Всего к 1838 г. в Екатеринбурге было четыре действующих культовых места [И. Р., с. 28]: одна каменная церковь (Рязановская), одна каменная часовня (в усадьбе Тарасовых) и два деревянных строения, которые состояли на учете властей как часовни (Успенская и Никольская), а старообрядцами воспринимались как церкви. Роскошная домовая часовня в особняке Расторгуева-Харитонова после ссылки последнего в Кексгольм в середине 1830-х гг. стояла

запечатанной несколько десятилетий. Тарасовская часовня «над прудом» в 1855 г. была подвергнута обыску во время следствия о «совращении православных»; в результате хозяев до 1859 г. выслали на север в Николае-Павдинский завод Верхотурского уезда Пермской губернии. Однако, поскольку тарасовская и расторгуевская часовни были семейными, а не общественными, то перипетии с их опечатыванием большого урона жизни старообрядческих общин не нанесли, хотя и продемонстрировали возможности властей по отношению к «упорным раскольникам».

Таблица 2

Духовные лица беглопоповцев / часовенных Екатеринбурга в XIX–XX вв.

Годы		Ф. И. О.	Место служения
Священники	1800–1810-е гг.	Головцов Михаил Григорьевич	
	1820-е — первая половина 1830-х гг.	Иоанн Максимович	
		Гавриил Алексеевич	
		Петр Андреевич	в «большой» часовне
		Шабуров Аристарх Кондратьевич	
		Максим Маркович	в «большой» часовне
		Николай Кондратьевич (Куракинский)	в «малой» часовне
		Иоанн Грузинский	в «большой» часовне
		иеромонах Иларий	
Наставники	1880–1900-е гг.	Савельевских Лазарь Фокиевич, крестьянин Кунгурского уезда Пермской губернии	в «малой» часовне
	1900-е — 1918 гг.	Мокрушин Порфирий Симонович, мещанин г. Екатеринбурга	
		Шапошников Федор Лаврентьевич, мещанин г. Екатеринбурга	в «большой» часовне
		Солодовщиков Иван Алексеевич, крестьянин с. Петрокаменское Верхотурского уезда Пермской губернии	
		Лобанов Порфирий Данилович, крестьянин Сылвенской волости Пермского уезда Пермской губернии	

Источники: [Белобородов, 2012, с. 130–140; Город Екатеринбург, с. 943; ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 94, 114, 176, 184, 207, 209, 228, 251, 258, 281, 308, 335 (метрические книги Успенской и Никольской часовен)].

В 1838 г. главы авторитетных старообрядческих фамилий Екатеринбурга были поставлены перед выбором: прекращение торгово-промысловой деятельности и участия в органах местного самоуправления из-за принадлежности

к старообрядчеству или сохранение всего при условии принятия единоверия. Строитель каменного молитвенного дома Яким Рязанов и представители еще пяти семейств выбрали второй вариант.

Молитвенный «рязановский» дом после этого стали перестраивать в церковь и на время этих работ Я. Рязанов предлагал передать его общине деревянную Никольскую часовню беглопоповцев. Он аргументировал свою просьбу тем, что каменное помещение трудно отапливать и в качестве зимнего храма оно еще неудобно. Главный начальник Уральских горных заводов В. А. Глинка и архиепископ Пермский Аркадий поддержали Рязанова. Тем не менее, часовня осталась в пользовании беглопоповцев. Можно предположить, что новоявленные единоверцы и их бывшие «сообщинники», сохраняя прежние родственные и деловые связи, сами нашли компромиссный вариант. Возможно, также, что этому способствовали неоднократные пожертвования попечителей Никольской часовни в пользу перестраиваемой единоверческой церкви: только в 1840 г. Г. Ф. Казанцев передал для этого дела 1 500 руб. ассигнациями [Палкин, с. 139], оставаясь при этом одним из светских лидеров старообрядческой общины Никольского храма.

В 1839 г. «рязановская» церковь стала единоверческой с южным Иоанно-Златоустовским приделом. Улица, ведущая к храму, получила название Златоустовской. В 1849 г. появился северный Никольский придел, а спустя три года был освящен главный престол в честь Св. Троицы.

Резкого неприятия и конфронтации между старообрядцами и единоверцами в Екатеринбурге не наблюдалось, в отличие от многих других мест. Этому способствовало отсутствие споров вокруг здания и, видимо, понимание вынужденности «перехода», который совершился на условиях, позволявших на первых порах рассматривать единоверие как вариант старообрядчества.

Для захоронения умерших старообрядцы-беглопоповцы и единоверцы до середины 1840-х гг. продолжали совместно использовать небольшой участок на юго-восточной окраине города. Затем им и единоверцам было выделено новое место, находящееся далее на восток по Сибирскому тракту [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2358, 2382]. Новый участок был разделен на две части: старообрядческую (для Успенской и Никольской часовен) и единоверческую (Свято-Троицкого храма). Позднее к кладбищу часовенных была прирезана часть, предназначавшаяся для отдельного погребения старообрядцев белокриницкого согласия, а к единоверческому – территория для захоронений единоверческой Спасской общины [Ворошилин, 1996]. При старом кладбище, по ходатайству присоединившегося к единоверию коммерции советника А. Т. Рязанова, на принадлежавшей ему земле в 1864 г. была устроена больница-богадельня. Кроме того, на этом кладбище находились фамильные захоронения семьи Рязановых (рис. 2), что способствовало закреплению за этим местом названия старообрядческое «рязановское» кладбище, память о котором объединяла екатеринбургских старообрядцев и единоверцев Свято-Троицкого храма, в прошлом принадлежавших к одному беглопоповскому сообществу.

Принятие единоверия старообрядцами, связи и средства которых обеспечивали присутствие в городе беглых священников, разгром в 1837–1841 гг. иргизских старообрядческих монастырей, где обычно «исправляли» попов, а также активное преследование властями беглых иереев и возможность исполнения треб староверами-мирянами, уже имевшая место и признанная правомочной в случае длительного отсутствия священника, вынудили оставшихся в старообрядчестве перейти к беспоповской практике, хотя и без принципиального отказа от церковной иерархии. Представители согласия стали именовать себя старообрядцами-часовенными[7].

Екатеринбургские часовенные еще несколько десятилетий пытались найти возможность восстановления института священства: с 1850-х гг. исследовали правильность «австрийской» (белокриницкой)[8] иерархии, следили в 1864 г. за попыткой единоверцев получить неподконтрольных Синоду епископов, в 1873 г. разбирали вопрос о «вновь появившихся» беглых попах. Интерес отдельных екатеринбургских лидеров часовенного согласия к обретению иерархии подвигал их на рубеже XIX–XX вв. к поддержке экспедиций «поискать истинное священство». Результаты поисков не удовлетворили большинство прихожан екатеринбургских часовен и связанных с ними общин близлежащих населенных пунктов. Те же, кто желал обрести старообрядческую иерархию, присоединялись к «белокриницкому» согласию, которое появилось в городе в середине XIX в. В 1880-х гг. «белокриницкие», после неудачной попытки завладеть Никольской часовней, устроили по соседству с ней церковь, освятив ее в честь Св. Троицы [Белобородов, 2000, с. 150].

После перехода части екатеринбургских беглопоповцев в единоверие и превращения «рязановского» каменного молитвенного дома в Троицкую единоверческую церковь, старообрядцы во второй половине XIX — начале XX в. продолжали служить в Успенской и Никольской часовнях. В них имелись, но оставались нетронутыми престол и царские врата, поскольку службы и обряды вместо священников проводили наставники и уставщики. Большинство их происходило из крестьян соседних заводов и деревень (см. табл. 2). Поиск грамотных мирян для богослужения и требоисполнения, дальнейшее их положение и статус в общине основывались на тех же принципах, что действовали раньше в отношении беглых священников. При обеих часовнях существовали

---

[7] Из отчета представителя Департамента духовных дел МВД на Всероссийском съезде часовенного согласия в Екатеринбурге в 1911 г.: «Слово “часовенный” — недавнего происхождения, появилось только в 1880-х гг. прошлого столетия, когда в царствование Александра III были сделаны первые шаги к нестеснению старообрядцев в совершении их богомолений. Старообрядцы, собиравшиеся на молитву в часовнях, в коих некогда совершалось богослужение беглыми священниками, и стали называться “часовенными”. Как поясняли мне сами старообрядцы, сначала это название было своего рода “прозвищем”, “кличкою”, а с течением времени упрочилось в качестве как бы официального наименования» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 63, л. 84 об.].

[8] Иерархия появилась в 1846 г. в результате присоединения к старообрядчеству греческого митрополита Амвросия в монастыре в Белой Кринице (Австрия). Поэтому чаще всего согласие именуется белокриницким или «австрийским».

жилые помещения для духовных лиц, обеспечением и руководством деятельностью которых, как и прежде, занимались светские лидеры каждой общины. Круг этих деятелей во второй половине XIX — начале XX в. состоял из нескольких купеческих фамилий. Золотопромышленники И. С. и П. И. Тарасовы, а также занимавшийся переработкой продуктов скотоводства, продажей зерна и муки Г. Г. Щербаков с сыновьями были попечителями в Никольской часовне; И. Е. Павлов (в 1880-х гг. купец, в 1910-х – мещанин) и торговец хлебом, бывший красноуфимский крестьянин, ставший купцом, Ф. А. Малиновцев (до его перехода в белокриницкое согласие в 1908 г.) – в «малой» Успенской часовне. Основная часть прихожан была мещанами и крестьянами.

Численность, сословная принадлежность часовенных во второй половине XIX — начале XX в.

Официальная численность староверов города росла на протяжении XIX в. более медленными темпами, чем население Екатеринбурга, и варьировалась от 1 400 до 1 800 человек (рис. 3). Однако, зная особенности учета старообрядцев [Клюкина-Боровик, с. 129–130], надо иметь в виду, что эти цифры фиксируют тех, кто во время переписей причислял себя к староверию без риска получить обвинение в «уклонении в раскол». До Манифеста 1905 г. это обстоятельство ограничивало получение реальных сведений.

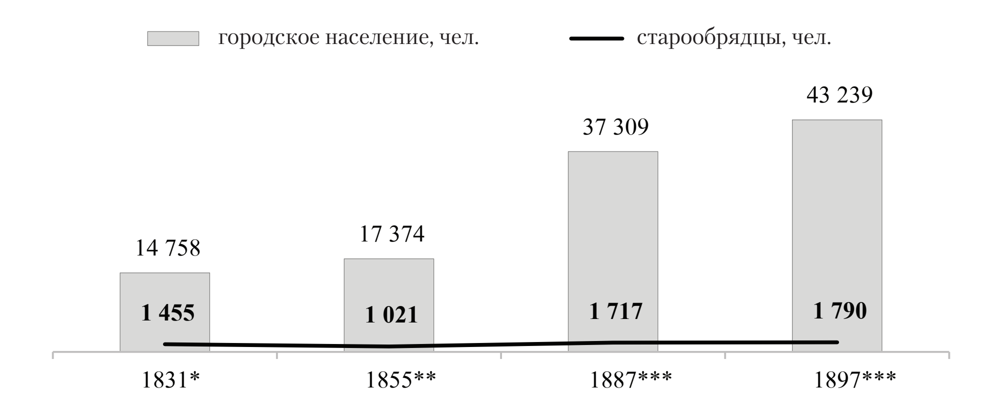

Рис. 3. Официальная численность старообрядцев среди жителей Екатеринбурга XIX в.

* Число староверов по данным РПЦ; численность городского населения дана за 1835 г.

** Число староверов по данным полиции; городское население — по данным Центрального статистического комитета.

*** Данные однодневной городской переписи 26 марта 1887 г. и I Всеобщей переписи 1897 г.

Источники: [Белобородов, 2012, с. 73; ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2493, л. 9 об.–10; И. Р., с. 34; Статистические таблицы..., с. 96; Город Екатеринбург, с. 79; Первая Всеобщая перепись..., с. 1, 72–73].

В данных подворной переписи Екатеринбурга 26 марта 1887 г. старообрядцы вместе с единоверцами составляли лишь 8 % городского населения. При этом среди них был самый высокий процент домовладельцев – 53,3 %, незначительная доля живущих на месте работы (скорее всего, у своих одноверцев) и наименьшая доля «квартирантов», снимающих жилье (рис. 4). Такое соотношение собственников и нанимателей жилья является показателем «укорененности» старообрядцев в городе, а также может быть основанием для предположения, что старообрядцы, приходящие в город для работы, проживали некоторое время в домах одноверцев или на предприятии и имели возможность достаточно быстро приобрести собственное жилье. Можно также полагать, что этому способствовали внутриконфессиональные и родственные связи.

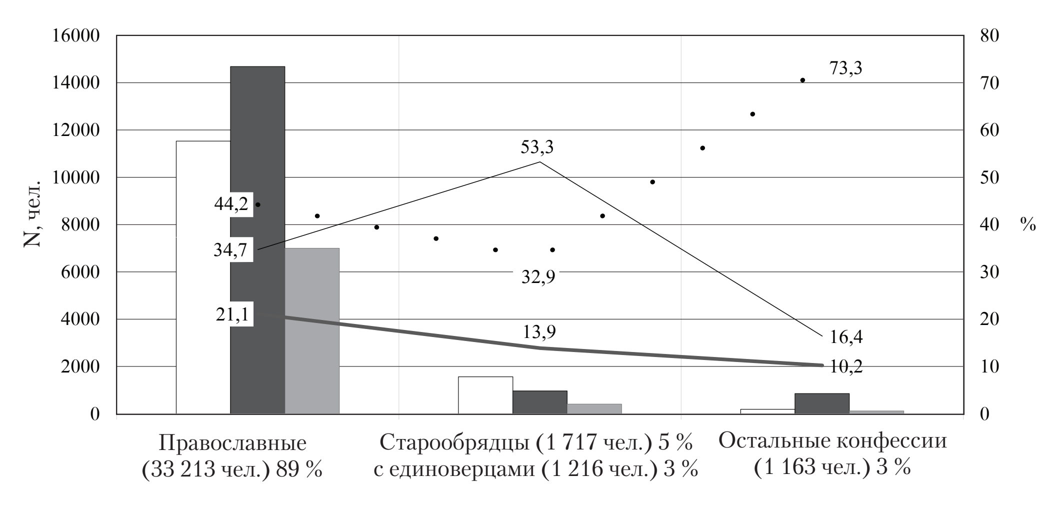

Рис. 4. Численность и процентное соотношение* домовладельцев и не имеющих жилья среди религиозных групп Екатеринбурга, 1887 г.

* Соотношение домовладельцев, квартирантов и живущих на месте работы для каждой группы составляет 100 %; старообрядцы и единоверцы объединены, поскольку пропорции по категориям жителей у них совпадают.

Источник: Однодневная перепись г. Екатеринбурга 26 марта 1887 г. [Город Екатеринбург, с. 79].

Миграция в город в пореформенное время влияла на численность и сословный состав городского общества: доля крестьян росла (в 1873 г. – 29 %, в 1887 г. – 35 %, в 1897 г. — 42 %) [Город Екатеринбург, с. 60–61, 80; Первая Всеобщая перепись..., с. 58–59 (процентный расчет мой. – *Ю. Б.*)]. В начале XX в. эта

тенденция еще более укрепилась, особенно в отношении наиболее молодой и динамичной части старообрядческих обществ. Среди вступающих в первый брак прихожан Успенской и Никольской часовен Екатеринбурга крестьяне составляли в 1907–1918 гг. более половины. Согласно данным метрических книг о 97 женихах и невестах, 58 % были крестьянами, 41 % – мещанами и 1 % приходился на купеческое сословие[9]. Большинство сочетавшихся браком молодых крестьян, как мужчин, так и женщин, постоянно проживало уже в самом Екатеринбурге, а не на родине (рис. 5).

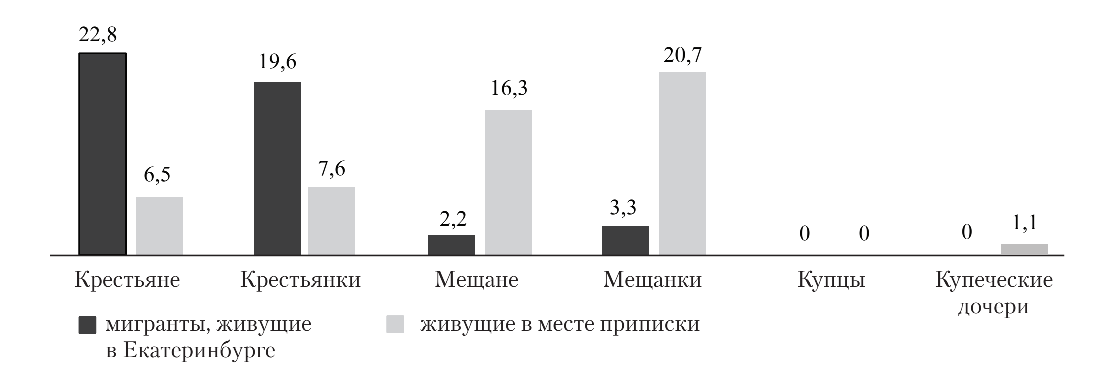

Рис. 5. Место жительства старообрядцев часовенного согласия вступивших в первый брак* в Екатеринбурге в 1907–1918 гг. по сословиям и полам, %

* 92 чел. с данными о месте приписки, проживания, первом браке.

Источник: [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 96, 118, 140, 177, 185, 229, 283, 289, 336, 356 (метрические книги о бракосочетаниях в Успенской и Никольской часовнях 1907–1919 гг.)].

Крестьяне приходили в город из волостей Екатеринбургского и соседних уездов (на долю локальной миграции приходится 82 %), реже сюда перебирались из Вятской (13 %) или Московской (3 %) губерний, а иногда в числе женихов оказывались выходцы из другой страны, например, крестьянин Иван Кулик из Галиции (1917 г.), видимо, попавший на Урал как военнопленный. При этом среди бракосочетавшихся число приписанных к Шарташу, бывшему прежде основным источником переселяющихся в город беглопоповцев, совсем незначительно: 4 из 92 человек.

Проживающие в городе крестьяне выбирали пару среди своего круга и чаще всего останавливали выбор на девушках своего сословия, которые также жили в Екатеринбурге, или на местных мещанках (рис. 6), многие из которых были горожанками в первом поколении, имевшими крестьянские корни.

---

[9] Доля купеческого сословия уменьшилась среди городского населения повсеместно, поскольку в 1860–1890-х гг. после нескольких указов право торговли стало доступно всем, кто приобрел специальное свидетельство, без записи в гильдии, а права и привилегии купечества во многом утратили свое значение [Гончаров, с. 40].

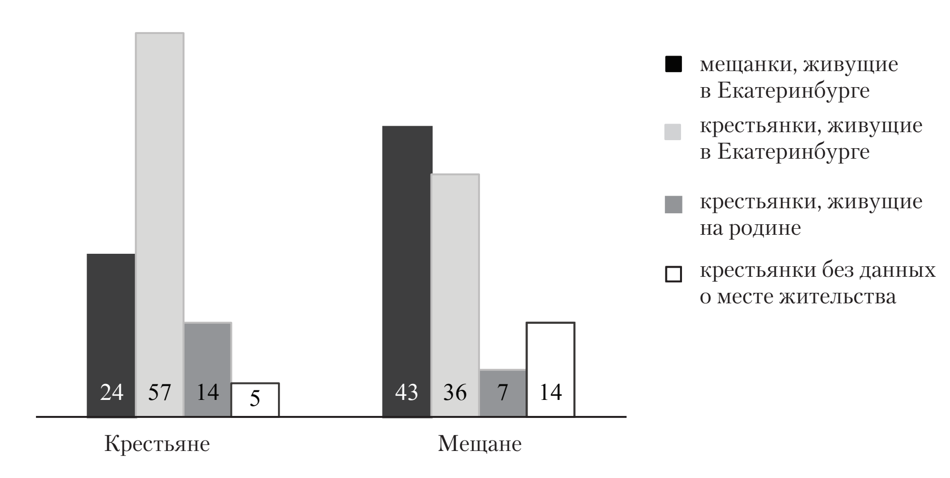

Рис. 6. Сословия и место жительства невест старообрядцев часовенного согласия* в 1907–1918 гг., %

* 70 чел., у которых указаны сведения о сословии, месте приписки, проживания и первобрачности. Сумма вариантов для каждого сословия женихов составляет 100 %.

Источник: [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 96, 118, 140, 177, 185, 229, 283, 289, 336, 356 (метрические книги о браках в Успенской и Никольской часовнях 1907–1919 гг.)].

Жизнь крестьян – жителей городов и многих мещан в начале XX в. была похожей по кругу занятий, бытовому укладу и мировоззренческим ценностям, согласно которым принадлежность к одному религиозному направлению имела преимущественное значение для заключения брака. Приток крестьян способствовал увеличению численности старообрядцев Екатеринбурга и изменил соотношение между сословиями внутри общины. Пришедшие адаптировались в городе с помощью сложившихся в сообществе внутриконфессиональных деловых и семейных связей.

Выводы

В формировании и эволюции численности екатеринбургской старообрядческой общины беглопоповцев (часовенных) большую роль играют миграции: во-первых, движение государственных и монастырских крестьян в 1720-е гг. из Московской и Нижегородской губерний; во-вторых, заселение южного района города торговыми крестьянами из соседних селений в последней четверти XVIII в., благодаря чему в городе насчитывалось в это время до полутора тысяч староверов, приписанных к купеческим гильдиям и мещанству. Именно тогда беглопоповцы становятся заметной частью городского религиозного ландшафта. Их положение и конфессиональная обособленность подкреплялись наличием

двух храмов (часовен), отдельного кладбища и статусом домовладельцев, компактно проживавших в центре и в обширном южном районе города. На протяжении XIX в. изменения численности и социального состава городских обществ беглопоповцев (с 1840-х гг. часовенных) были весьма своеобразными: в период борьбы со старообрядчеством в 1830–1850-х гг. общины беглопоповцев уменьшились и место священников в них заняли наставники. Впоследствии их численность постепенно восстанавливалась на протяжении нескольких десятилетий на фоне разворачивающейся в пореформенное время миграции крестьян в города. К началу XX в. одно из старейших религиозных обществ Екатеринбурга, давшее начало двум единоверческим приходам и белокриницкому согласию, насчитывало менее 2 тысяч человек, из которых значительная часть были горожанами в первом поколении.

Источники

ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 94, 96, 114, 118, 140, 176, 177, 184, 185, 207, 209, 228, 229, 251, 258, 281, 283, 289, 308, 335, 336, 356; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2358, 2382, 2493.

Город Екатеринбург : сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринб. уезду / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. газ. «Екатеринб. неделя», 1889.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Изд. Центр. стат. комитета МВД под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI : Пермская губерния. СПб. : Слово, 1904.

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63.

Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб. : Тип. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858.

Исследования

Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы — купцы Екатеринбургские. Екатеринбург : УрО РАН, 1998.

А[рхим.] П[алладий]. Обозрение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб. : Тип. журн. «Странник», 1863.

Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII — середина XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.

Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории русской Православной Старообрядческой церкви — белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург : УрГУ, 2000. С. 136–172.

Белобородов С. А. Шарташ — старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII — первой половине XIX вв.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV–XX вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : СО РАН, 2005. С. 343–352.

Белобородов С. А. Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во втор. четв. XIX — нач. XX вв. (на примере согласия беглопоповцев / часовенных) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург : Уралмедиздат, 1995.

Ворошилин С. И. Из истории церковного строительства в Екатеринбурге [Электронный ресурс] // Уральская старина. Вып. 2. Екатеринбург, 1996. URL: http://www.1723.ru/read/books/voroshilin.htm (дата обращения: 05.05.2016).

Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки / под общ. ред. Е. С. Тулисова. Екатеринбург : Сократ, 2008.

Голобородский М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга: XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург, 2004.

Гончаров Ю. М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во втор. пол. XIX — нач. XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул : АлтГУ, 2001. С. 64–36.

И. Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. СПб. : МВД, 1839. Отд. III. С. 3–85.

Клюкина-Боровик Ю. В. Переписи и материалы статистического учета численности старообрядцев Екатеринбурга в 1860–1890-х гг. // Вестн. Екатеринб. духов. семинарии. 2015. № 4. С. 124–130.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Корепанов Н. С. Первая старообрядческая часовня Екатеринбурга // Вестн. музея «Невьянская икона». Вып. II. Екатеринбург, 2006. С. 100–106.

Корепанов Н. С. Шарташ XVIII в. — традиция или новация? // Вестн. музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург, 2010. С. 262–290.

Корепанов Н. С. О Тыне Заречном // Вестн. музея «Невьянская икона». Вып. IV. Екатеринбург, 2013. С. 135–168.

Микитюк В. П. Дом на набережной [Электронный ресурс]. URL: http://www.fnperm.ru/SharedFiles/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=3284 (дата обращения: 03.04.2017).

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук. Т. 6 : Записки путешествия академика Фалька. Ч. 1. СПб. : Имп. АН, 1824.

Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.

Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006.

References

Ageev, S. S., & Mikityuk, V. P. (1998). *Ryazanovy — kuptsy Yekaterinburgskie* [The Ryazanov Family — Merchants of Yekaterinburg]. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)

Baidin, V. I. (1983). *Staroobryadchestvo Urala i samoderzhavie (konets XVIII — seredina XIX vv.).* [Ural Old Belief and Autocracy (the Late 18th — mid-19th Centuries)] (doctoral dissertation). Sverdlovsk. (In Russian)

Beloborodov, S. A. (2000). *'Avstriitsy' na Urale i v Zapadnoi Sibiri (iz istorii russkoi Pravoslavnoi Staroobryadcheskoi tserkvi — belokrinitskogo soglasiya)* ['Austrians' in the Urals and Western Siberia (from the History of the Russian Orthodox Old Believer Church — Belokrinitskye]. In I. V. Pochinskaya (Ed.), *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel'nykh territorii* [Essays on the History of Old Believers of the Urals and Adjacent Territories] (pp. 136–172). Yekaterinburg: Ural State University. (In Russian)

Beloborodov, S. A. (2005). *Shartash — staroobryadcheskii rai (iz istorii "shartashskoi very" na Urale v XVIII — pervoi polovine XIX vv.)* [Shartash is an Old Believer's Paradise (from the History of Shartash Faith in the Urals in the 18th — First Half of the 19th Centuries)]. In E. K. Romodanovskaya (Ed.), *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XV–XX vv.* [The Philosophy and Traditions of Russian Spiritual Culture in the History and Literature of the 15th–20th Centuries] (pp. 343–352). Novosibirsk: SO RAN. (In Russian)

Beloborodov, S. A. (2012). *Religiozno-organizatsionnaya struktura staroobryadchestva gornozavodskogo Urala vo vtoroi chetverti XIX — nachale XX vv. (na primere soglasiya beglopopovtsev /*

chasovennykh) [Religious and Organisational Structure of Ural Old Believers in the Second Quarter of the 19th — Early 20th Centuries (Case of Beglopopovtsy / Chasovennye)] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

Goloborodsky, M. V. (2004). *Arkhitektura khramov Yekaterinburga: XVIII–XIX vv.* [The Architecture of Yekaterinburg Churches in the 18th–19th Centuries] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

Goncharov, Yu. M. (2001). *Soslovnyi sostav gorodskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [The Social Composition of Western Siberian Urban Population in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. In V. A. Skubnevsky (Ed.), *Goroda Sibiri XVIII — nachala XX v.* [Cities of Siberia in the 18th — Early 20th Centuries] (pp. 64–36). Barnaul: Altai State University. (In Russian)

I. R. (1839). *Goroda Permskoi gubernii* [Cities of Perm Province]. In *Materialy dlya statistiki Rossiiskoi imperii* [Materials for the Statistics of the Russian Empire] (Pt. III, pp. 3–85). St Petersburg: MVD. (In Russian)

Klyukina-Borovik, Yu. V. (2015). *Perepisi i materialy statisticheskogo ucheta chislennosti staroobryadtsev Yekaterinburga v 1860–1890-kh gg.* [Censuses and Materials of the Statistical Accounting of Old Believers in Yekaterinburg in the 1860s and 1890s]. *Vestnik Yekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 4, 124–130. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2005). *Pervyi vek Yekaterinburga* [The First Century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2006). *Pervaya staroobryadcheskaya chasovnya Yekaterinburga* [The First Old Believer Chapel of Yekaterinburg]. *Vestnik muzeya 'Nev'yanskaya ikona', II*, 100–106. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2010). *Shartash XVIII v. — traditsiya ili novatsiya?* [Shartash of the 18th Century – Tradition or Innovation?]. *Vestnik muzeya 'Nev'yanskaya ikona', III*, 262–290. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2013). *O Tyne Zarechnom* [On the Tyn Zarechny Prison]. *Vestnik muzeya 'Nev'yanskaya ikona', IV*, 135–168. (In Russian)

Mikityuk, V. P. *Dom na naberezhnoi* [The House on the Embankment]. Retrieved from http://www.fnperm.ru/SharedFiles/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=3284. (In Russian)

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII — nachale XX v.: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie in the Mid-18th — Early 20th Centuries: The All-Russian Context and Regional Peculiarities]. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russian)

Palladius, Archimandrite. (1863). *Obozrenie permskogo raskola, tak nazyvaemogo 'staroobryadstva'* [Review of the Religious Schism in Perm Region, the So-Called 'Old Believers']. St Petersburg: Strannik. (In Russian)

Pokrovsky, N. N. (1974). *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-staroobryadtsev v XVIII v.* [Anti-Feudal Protest of Ural-Siberian Peasant Old Believers in the 18th Century]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)

Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoiu Akademiei Nauk. [A Complete Collection of Learned Travels to Russia Issued by the Imperial Academy of Sciences]. (Vol. 6. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka* [Travel Notes of Academician Falk], Pt. 1). (1824). St Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)

Prikhody i tserkvi Yekaterinburgskoi eparkhii [Parishes and Churches of the Yekaterinburg Diocese] (1902). Yekaterinburg. (In Russian)

Slovtsov, P. A. (2006). *Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [The History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. Moscow: Veche. (In Russian)

Tulisov, E. S. (Ed.). (2008). *Glavy gorodskogo samoupravleniya Yekaterinburga: Istoricheskie ocherki* [Heads of the Municipal Government of Yekaterinburg: Historical Essays]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)

Voroshilin, S. I. (1995). *Khramy Yekaterinburga* [Churches of Yekaterinburg]. Yekaterinburg: Uralmedizdat. (In Russian)

Voroshilin, S. I. (1996). *Iz istorii tserkovnogo stroitel'stva v Yekaterinburge* [From the History of Church Construction in Yekaterinburg]. *Ural'skaya starina,* 2. Retrieved from http://www.1723.ru/read/books/voroshilin.htm. (In Russian)

Боровик Юлия Викторовна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
археографических исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: iulia.borovik@urfu.ru

Borovik, Yulia Viktorovna
PhD (History), Senior Research Fellow
Laboratory of Archaeographic Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: iulia.borovik@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-5891-9189
Researcher ID: C-2859-2017
Scopus ID: 57193265046